

М.М. Винавер

**Труды юридического общества при
Императорском С.-Петербургском
университете. Том 5**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
М11

М11 **М.М. Винавер**
Труды юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Том 5 / М.М. Винавер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 557 с.

ISBN 978-5-458-55224-0

ISBN 978-5-458-55224-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Протоколъ засѣданія административнаго отдѣленія

28 января 1911 года.

Засѣданіе открылось въ 8³/₄ час. веч., подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя административнаго отдѣленія общества, В. М. Гессена.

Предметомъ занятій служили: 1. Сообщение дѣйствительнаго члена общества, В. М. Гессена: „Памяти покойнаго Гейдельбергскаго профессора Георга Йеллинека“. 2. Докладъ прив.-доц. Л. Н. Яснопольскаго: „Вопросъ о „забронированныхъ“ кредитахъ съ правовой точки зрѣнія (къ пересмотру въ Гос. Думѣ бюджетныхъ правилъ 8 марта 1906 г.)“.

По открытіи засѣданія предсѣдателемъ В. М. Гессеномъ было сдѣлано слѣдующее сообщеніе:

Преждевременная и неожиданная смерть гейдельбергскаго профессора Йеллинека является огромной утратой для науки публичнаго права.

Йеллинекъ хорошо извѣстенъ русскимъ юристамъ. Въ Германіи онъ является однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей научнаго направленія, извѣстнаго подъ именемъ „юридической школы публицистовъ“. Направленіе это ставитъ своею цѣлью догматическое изученіе дѣйствующаго публичнаго права, освобожденіе догмы отъ искусственнаго привнесенія въ нее историческихъ, философскихъ и политическихъ ингрѣдиентовъ. Задача догмы—взаимно разграничить текущія явленія жизни при помощи твердыхъ понятій.

Достаточно сравнить германскую науку государственнаго права 50—60 гг. съ современной германской наукой для того, чтобы убѣдиться, какъ далеко за это сравнительно короткое время шагнула германская научная мысль впередъ.

Въ классическихъ произведеніяхъ Mohl'я и Bluntschli господствуетъ методъ, иронически называемый Laband'омъ „историко-

философо-политическим“ и не безъ основанія отождествляемый имъ съ отрицаніемъ научной методологіи, вообще. Въ произведеніяхъ современныхъ публицистовъ—въ трудахъ Laband'a, Iellinek'a, Otto Mayer'a и др.—господствуетъ истинно-научный, индуктивно-дедуктивный, логически-конструктивный методъ, создающій систему положительнаго права страны. Тамъ—суверенное господство политической метафизики, фантастическая игра „идеями“ публичнаго права; здѣсь—кристаллизація хаоса, отчужденность юридическихъ понятій, твердость и устойчивость юридическихъ категорій. Тамъ—непринужденная *causerie* на политическія темы; здѣсь наука.

Могучее развитіе германской науки публичнаго права наглядно подтверждается тѣмъ все болѣе и болѣе возрастающимъ вліяніемъ, какое оказывается ею на другія національныя литературы, не только на нашу, столь бѣдную историческими традиціями, отечественную науку, но и на французскую науку, справедливо гордящуюся своимъ великимъ прошлымъ.

Въ ряду представителей германской юридической школы публицистовъ покойный Іеллинекъ занимаетъ, однако, особое мѣсто, и для того, чтобы составить себѣ представленіе о научной фізіономіи Іеллинека, необходимо обратить вниманіе на ея своеобразныя, необыкновенно привлекательныя черты.

Являясь реакціей противъ научнаго синкретизма предшествующей эпохи, противъ искусственнаго привнесенія въ работу юриста органически ей чуждыхъ элементовъ, юридическая школа публицистовъ, въ лицѣ большинства своихъ представителей, впадаетъ, однако, въ противоположную крайность. Она переоцѣниваетъ значеніе догматики права; она отождествляетъ науку государственнаго права съ наукой о государствѣ, вообще; она презираетъ тщету философскихъ и политическихъ исканій; для нея соціологія—не наука.

Самоувѣренная ограниченность догматика Іеллинеку органически чужда. Онъ понимаетъ, что наука государственнаго права не можетъ охватить и постигнуть государства въ его цѣломъ, ибо государство имѣетъ характеръ двойственный: оно является не только правовымъ институтомъ, но и социальнымъ явленіемъ. Наука государственнаго права—нормативная наука; она не можетъ постигнуть бытія государства, какъ социальнаго факта. Односторонняя догматика, пытающаяся постигнуть цѣлое, никогда не достигнетъ этой цѣли.

Явленія государственной жизни безконечно разнообразны: они не вмѣщаются въ шаблоны юридическихъ категорій. Наряду съ на-

укой государственнаго права государство изучается соціальной наукой о государствѣ (Sociale Staatslehre) и политикой (Politik), какъ практической или прикладною наукой. Тотъ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ современной германской литературой публичнаго права, тотъ не можетъ не признать, что Еллинековское „Учение о современномъ государствѣ“ является опытомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ,—единственнымъ по широтѣ и смѣлости захвата.

И въ другомъ отношеніи Еллинекъ отличается выгоднымъ образомъ отъ догматиковъ-публицистовъ современной германской школы. Въ зависимости отъ историческихъ причинъ, на которыхъ останавливаться не время и не мѣсто, догматическая наука современной Германіи характеризуется узко формальнымъ, некритическимъ и бесплоднымъ, позитивизмомъ. Правовѣрный догматикъ—всегда и необходимо позитивистъ. Подъ нормою права онъ понимаетъ велѣніе государственной власти, охраняемое и защищаемое организованнымъ принужденіемъ. Гдѣ нѣтъ жандарма—нѣтъ права. Необходимость философскаго углубленія идеи права отрицается или въ лучшемъ случаѣ игнорируется догматическимъ направленіемъ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что при такихъ условіяхъ догматическія системы, построенныя на неглубокомъ и непрочномъ фундаментѣ, подъ свѣжимъ дыханіемъ критики нерѣдко разлетаются, какъ карточный домъ.

Въ отличіе отъ большинства современныхъ германскихъ ученыхъ, Еллинекъ сознательно стремится къ философскому обоснованію идеи права и государства, какъ необходимой предпосылки догматическихъ построеній.

По мнѣнію Еллинека, основнымъ предположеніемъ публичнаго права,—и, слѣдовательно, науки о немъ—является правовая ограниченность, или связанность государства правомъ. Если государство не связано правомъ, у индивида въ отношеніи къ государству нѣтъ и не можетъ быть правъ, потому что у государства нѣтъ и не можетъ быть обязанностей въ отношеніи къ индивиду. Если государство не связано правомъ, его отношеніе къ индивиду является отношеніемъ силы, а не права. Публичное право, лишенное императивнаго характера, не можетъ быть правомъ, вообще.

Для того, чтобы доказать правовую ограниченность государства, Еллинекъ въ отличіе отъ большинства позитивистовъ, рассматриваетъ право, какъ категорію человѣческаго духа, какъ „внутри-человѣческое явленіе“ (innermenschliche Erscheinung). Норма права—гетерономная норма; она создается, переживается индивидуомъ, какъ

продуктъ правотворческой дѣятельности государственной власти. Но конечное основаніе права заключается въ неподдающемся дальнѣйшему обоснованію убѣжденіи въ томъ, что оно есть право; благодаря такому убѣжденію право пріобрѣтаетъ нормативную силу, становится стимуломъ человѣческаго поведенія.

Государство творить право, но въ то же время оно самоограничивается имъ,—самоограничивается потому, что, по господствующимъ въ настоящее время воззрѣніямъ, абстрактныя волеизъявленія государственной власти, нормы создаваемого имъ права, связываютъ и обязываютъ собственную его волю. Не смотря на наличность убѣжденія въ самой широкой свободѣ законодательнаго творчества, самому законодателю въ настоящее время чуждо теоретическое представленіе объ абсолютно несвязанной государственной власти.

Теорія правового самоограниченія государства,—язлюбленная теорія Іеллинека, развиваемая и защищаемая имъ во всѣхъ его догматическихъ произведеніяхъ, является философскимъ основаніемъ, на которомъ онъ строитъ систему публичнаго права вообще, и отдѣльныхъ его институтовъ въ частности.

Іеллинекъ не только догматикъ. Во многихъ своихъ произведеніяхъ,—въ „Исторіи конституціоннаго кабинета“ въ „Декларациі правъ гражданина и человѣка“, въ исторической части своего „Закона и указа“ онъ является историкомъ права. Кроме того, перу его принадлежитъ нѣсколько блестящихъ монографій, посвященныхъ политикѣ права,—вопросамъ о контролѣ надъ конституціонностью законовъ, о правахъ меньшинства, объ измѣненіи и преобразованіи конституцій, объ отвѣтственности имперскаго канцлера и др.

Но главныя и наиболѣе важныя его работы,—тѣ работы, которыми создаво его научное имя, всецѣло относятся къ области догматики права. Я имѣю въ виду его „правовую природу международныхъ договоровъ“, „Ученіе о государственныхъ соединеніяхъ“, значительнѣйшую часть его „Закона и указа“, его „Систему субъективныхъ публичныхъ правъ“.

Въ краткомъ сообщеніи, посвященномъ памяти только что ушедшаго отъ насъ Іеллинека, не мѣсто критическому разбору его догматическихъ произведеній. Одну ихъ особенность необходимо, однако, отмѣтить.

Подобно географамъ, спеціалисты-ученые, вообще, бываютъ двоякаго рода: одни—открыватели новыхъ странъ; другіе—ислѣдователи странъ, уже давно открытыхъ. Одни раздвигаютъ границы, другіе углубляютъ содержаніе изучаемыхъ ими дисциплинъ. Въ

области науки публичного права Йеллинекъ безспорно является „открывателемъ новыхъ странъ“. Свои монографіи онъ посвящаетъ вопросамъ, наименѣ разработаннымъ, наименѣ извѣстнымъ въ наукѣ публичного права. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что ученіе о государственныхъ соединеніяхъ создается Йеллинекомъ; до него это ученіе является въ наукѣ туманнымъ и безформеннымъ пятномъ. И точно также впервые, со времени паденія доктрины естественнаго права, конструируется на новыхъ началахъ Йеллинекомъ ученіе о субъективныхъ правахъ. По вѣрному замѣчанію Теэнеръ'а, Йеллинекъ является первымъ, уяснившимъ значеніе проблемы субъективнаго права во всѣхъ областяхъ, прослѣдившимъ развитіе этой проблемы чрезъ всѣ развѣтвленія публичнаго права. А вопросъ объ отношеніи указа къ закону? Только въ послѣднее время публицисты начинаютъ сознавать, что вопросъ о разграниченіи сферы указной отъ сферы законодательной дѣятельности власти является наиболѣ важнымъ и въ то же время наиболѣ сложнымъ и труднымъ вопросомъ теоріи государственнаго права. Во всѣхъ литературахъ растетъ съ каждымъ годомъ число монографій, посвященныхъ этому вопросу. И вся эта работа научной мысли покоится на прочномъ фундаментѣ Йеллинековскаго „Gesetz und Verordnung“.

Понятіе неисчерпаемо богатство оригинальныхъ и новыхъ концепцій, плодотворныхъ идей, введенныхъ покойнымъ ученымъ въ обиходъ современной науки. Конечно, какъ во всякомъ научномъ произведеніи, и въ произведеніяхъ Йеллинека мы встрѣчаемся нерѣдко съ недоказанными, ошибочными, или спорными утвержденіями. Но, какъ справедливо замѣчаетъ самъ Йеллинекъ, значеніе научнаго труда измѣряется не количествомъ абсолютныхъ истинъ, содержащихся въ немъ, а исключительно тѣмъ, способенъ ли этотъ трудъ явиться стимулирующимъ моментомъ въ дальнѣйшемъ познавательномъ процессѣ. И съ этой точки зрѣнія значеніе Йеллинековскихъ работъ безспорно. Глубокій и широкій слѣдъ, оставленный имъ въ наукѣ, объясняется, впрочемъ, не только содержаніемъ, но и формой его публицистическихъ произведеній. Рѣдко серьезной научной мысли удастся найти для своего выраженія такую хрустальнопрозрачную форму. Языкъ Йеллинека—верхъ формальнаго совершенства. Въ спокойномъ теченіи стройныхъ и законченныхъ фразъ отчетливо слышится тотъ этический пафосъ, которымъ проникнута его творческая мысль. Отсюда—та огромная сила пропаганды—die propagatorische Kraft, которая въ такой мѣрѣ свойственна произведеніямъ Йеллинека. Изученіе этихъ произведеній не

только обогащает наши знанія; оно даритъ насъ художественнымъ наслажденіемъ. И кто изъ насъ, публицистовъ, отказался бы повторить, вслѣдъ за Тезнер'омъ, въ примѣненіи къ Теллинеку, слова, обращенныя Вагнеромъ къ Фаусту:

Mit euch, Herr Doctor, zu spazieren
ist ehrenvoll und bringt Gewinn

Вліяніе научнаго творчества Теллинека выходитъ далеко за предѣлы германской науки; оно отчетливо сказывается на новѣйшихъ произведеніяхъ французской и италіанской школы. Но, быть можетъ, всего значительнѣй вліяніе, оказанное Теллинекомъ на нашу отечественную, русскую науку. Какъ справедливо отмѣчено О. О. Косошкинымъ, чрезъ аудиторію Теллинека прошло большинство нашихъ нынѣшнихъ публицистовъ. Многія изъ его произведеній имѣются въ русскомъ переводѣ и—единственный въ своемъ родѣ фактъ—его „Ученіе о современномъ государствѣ“ потребовало второго изданія на русскомъ языкѣ.

Вліяніе Теллинека на русскую науку отнюдь не случайно.

Необходимость перехода Россіи отъ строя неограниченной монархіи къ западно-европейской, конституціонно-монархической формѣ правленія сознается публицистической наукой Россіи задолго до манифеста 17 октября. И вмѣстѣ съ тѣмъ сознается, что для такого перехода недостаточно поверхностнаго знакомства общественной мысли съ совокупностью, такъ называемыхъ, конституціонныхъ идей, туманныхъ и неопредѣленныхъ неподдающихся непосредственному воплощенію въ жизнь. Политическая реформа настойчиво требовала ближайшаго знакомства съ конкретными формами конституціоннаго устройства,—съ системой въ ея цѣломъ и съ отдѣльными институтами конституціоннаго права. Такое знакомство почерпается отечественной наукой у догматиковъ—публицистовъ Германіи,—и, въ частности, у Теллинека, наиболѣе выдающагося изъ нихъ. Научная пропаганда догматическихъ званій не прошла для Россіи безслѣдно. При всѣхъ своихъ несовершенствахъ, наши новые основные законы категорической опредѣленностью, догматической твердостью своихъ постановленій являются для современной реакціи, временной и преходящей, серьезнымъ барьеромъ. Ихъ можно нарушить, но нельзя „разъяснить“.

И въ настоящее время предъ русской научной публицистикой поставлена жизнью огромная, по важности, задача: догматически осмыслить и конструировать наше новое, еще не сложившееся, кон-

ституціонное право. Рѣшая эту задачу, ей многому еще предстоитъ научиться у Еллинека,—и, прежде всего научиться тому, какъ можно и должно разграничивать текуція явленія жизни при помощи устойчивыхъ и твердыхъ юридическихъ категорій.

Русская наука обязана Еллинеку многимъ. Столичное юридическое общество исполнить свой долгъ, благоговѣнно почтивъ его память вставаніемъ.

По окончаніи сообщенія *В. М. Гессена* слово предоставляется второму докладчику *Л. Н. Яснопольскому*, сдѣлавшему докладъ слѣдующаго содержанія:

Положеніе доклада:

1. Логически необходимо различеніе между понятіями закона и акта управленія по содержанію, но это разграниченіе не относится къ области положительнаго права.

2. По своему содержанію актъ установленія бюджета долженъ быть признанъ актомъ управленія, а не законодательства.

3. Изъ предыдущаго тезиса не можетъ логически быть сдѣланъ выводъ, что представительныя учрежденія связаны въ правѣ измѣненія или исключенія кредитовъ, опирающихся на ранѣе изданные законодательные акты. Для такого вывода необходимо специальное ограниченіе, установленное въ законѣ.

4. Такимъ ограничительнымъ постановленіемъ по отношенію къ русской Гос. Думѣ и является статья 9 правилъ 8 марта 1906 г., но отнюдь не статья 94 осн. зак., гласящая, что „законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона“. Съ отмѣной ст. 9 указанное ограниченіе падаетъ.

Однимъ изъ наиболее серьезныхъ ограниченій бюджетной компетенціи Гос. Думы является статья 9 бюджетныхъ правилъ 8 марта 1906 г.

Она преграждаетъ Думѣ путь къ сокращенію расходовъ, признаваемыхъ ею ненужными, но закрѣпленныхъ дѣйствующими законами или изданными въ порядкѣ верховнаго управленія Выс. повелѣніями ¹⁾.

1) Ст. 9. При обсужденіи проекта государственной росписи, не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также Высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшихъ.

Какъ извѣстно, огромное количество кредитовъ, исторически наслоившихся въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія въ нашемъ расходномъ бюджетѣ, покоится или на актахъ законодательнаго характера эпохи прежняго режима, или же на Высочайшихъ повелѣніяхъ, издаваемыхъ до созыва первой Думы, отчасти же издаваемыхъ даже въ настоящее время. Ни одинъ изъ этихъ расходовъ не можетъ быть тронутъ Думою иначе, какъ въ сложномъ законодательномъ порядкѣ, не можетъ быть исключенъ или сокращенъ иначе, какъ при согласіи всѣхъ трехъ законодательныхъ инстанцій. Иначе говоря расходы эти могутъ продолжать свое существованіе и кредиты на нихъ продолжаютъ отпускаться даже противъ воли одной, а иногда быть можетъ даже обѣихъ палатъ. Между тѣмъ основной принципъ нашего новаго строя гласитъ, что ни одинъ законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Гос. Думы и Гос. Совѣта. Это несомнѣнное противорѣчіе могло бы имѣть частичное оправданіе, если бы дѣло шло о кредитахъ на содержаніе существующихъ государственныхъ учреждений, ломать которыхъ въ бюджетномъ порядкѣ было бы конечно неправильно. Но и здѣсь фактически дѣло не столь невинно: наши учрежденія содержатъ въ своемъ составѣ столь много излишнихъ, или фактически незамѣщенныхъ должностей, что въ исторіи нашего бюджета чуть ли не всякій разъ въ трудные моменты государственной жизни издавались Выс. повелѣнія: „пересмотрѣть расходы, не стѣсняясь существующими штатами, учреждениями и порядками“. Такъ было въ 1850 г. послѣ Крымской войны, въ началѣ 80-хъ гг., когда Н. Х. Бунге энергично сталъ сокращать расходы, послѣ голода 1891 г. при Вышнеградскомъ, послѣ китайской войны 1900 г. Можно было бы еще умножить эти примѣры. Позволю себѣ сослаться только на одинъ всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ С. А. Грейга въ 1878 г.

Въ концѣ 1878 г. послѣ войны учреждена была особая высшая коммиссія для сокращенія расходовъ подѣ председательствомъ предсѣдателя департамента экономіи Абазы... На всеподданнѣйшемъ докладѣ объ учрежденіи этой коммиссіи Грейгъ пишетъ (29 дек. 1878 г.): „Коммиссіи предоставляется подвергнуть пересмотру смѣты м-въ и отдѣльныхъ управленій, не стѣсняясь существующими штатами, постановленіями и порядками. Въ отношеніи расходовъ существующихъ... М-ръ ф-въ совершенно безсиленъ... такъ какъ большинство расходовъ основано на штатахъ и постановленіяхъ, до коихъ м-во ф-въ не можетъ касаться. Въ такомъ же положеніи къ смѣтамъ поставленъ и гос. контроль. Даже деп. гос. экономіи нахо-

дится въ этомъ отношеніи въ положеніи не болѣе выгодномъ. Остановливаясь передъ штатными и другими имъ подобными постоянными расходами деп. можетъ производить сокращенія или повѣрку исчисленій на расходы хозяйственные, или же уменьшеніемъ расходовъ временныхъ и единовременныхъ, штатами и постановленіями не опредѣленныхъ, но въ числѣ этихъ послѣднихъ—обнимающихъ впрочемъ по суммѣ незначительную, говоря сравнительно, долю гос. бюджета—заключаются расходы на разныя улучшенія и усовершенствованія, такъ что деп., для достиженія равновѣсія въ росписи, вынужденъ обращать свое вниманіе на сокращеніе расходовъ полезныхъ и оставлять въ росписи расходы, польза которыхъ для него оомнѣтельна.

Съ теченіемъ времени возникаютъ новыя потребности... Рядомъ съ симъ многія изъ потребностей прежняго времени теряютъ значеніе при постоянномъ теченіи госуд. и народной жизни; онѣ остаются, однакожъ, попрежнему бременемъ на гос. казнѣ или потому, что съ удержаніемъ ихъ въ смѣтахъ связаны личные интересы или потому, что принятіе инициативы въ подобнаго рода сокращеніяхъ не представляетъ отдѣльнымъ начальникамъ занятымъ текущими дѣлами и улучшеніями во ввѣренныхъ имъ частяхъ особенно заманчивыхъ побужденій. Такимъ образомъ кредиты этихъ расходовъ продолжаютъ существовать среди новыхъ учрежденій обветшалыми памятниками прежнихъ порядковъ или не вполне удавшихся, но (?) цѣнныхъ нововведеній. Вообще нельзя не сознаться, что наше гос. управленіе и наше гос. хозяйство оказываются однимъ изъ самыхъ дорогихъ въ свѣтѣ“.

Но дѣло не только въ гос. учрежденіяхъ и штатахъ чиновниковъ. Въ нашемъ бюджетѣ могутъ имѣть мѣсто закрѣпленные прежними Выс. повелѣніями расходы на содержаніе комиссій, фактически давно не существующихъ, лицъ—давно умершихъ, расходы не подлежащіе оглашенію—неизвѣстно на какія именно надобности, притомъ, въ цифрѣ свыше 8 мил. руб. въ годъ, тогда какъ наибольшая цифра такихъ расходовъ на Западѣ—въ Германіи и Пруссіи не превышаетъ 1—2 мил. марокъ. Существуютъ у насъ десятки учреждений съ 3-хъ-милліоннымъ бюджетомъ, учреждений, юридически несуществующихъ, нигдѣ въ законѣ не упомянутыхъ—это охраняемыя отдѣленія, созданныя при Плеве въ 1901 или 1902 гг. и содержимыя въ счетъ кредита въ 3 м. р. по § 4 ст. 1 смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ.

Можно привести изъ этой области курьезы вродѣ напр. двухъ

Выс. повелѣніемъ испрошенныхъ въ 1856 г., согласно которымъ ровно 50 лѣтъ, вплоть до 1906 г., фигурировали въ смѣтѣ деп. гос. казначества ежегодныя пособія двумъ дѣвицамъ впредь до выхода ихъ замужъ. Эта пестрая картина вызывала отрицательное отношеніе къ себѣ не только со стороны оппозиціи, но и со стороны весьма опытныхъ въ дѣлахъ государственныхъ и финансовыхъ, вполне консервативно настроенныхъ дѣятелей прежняго режима. Такъ, нынѣшній предсѣдатель финансовой коммисіи Гос. Совѣта, В. П. Череванскій въ своемъ проектѣ бюджетныхъ правилъ, выработанномъ имъ въ 1905 г. для совѣщательной Думы предлагалъ, относительно нынѣ закрѣпленныхъ кредитовъ порядокъ, при которомъ такіе кредиты должны бы быть вновь оправданы особыми законодательными представленіями министровъ. Если бы они въ годичный срокъ не представили такихъ мотивированныхъ оправданій или ихъ представленія были бы отвергнуты хотя бы одною изъ законодательныхъ инстанцій—кредиты подлежали бы закрытію ¹⁾. Цифровыя соотношенія различныхъ юридическихъ категорій кредитовъ въ нашемъ бюджетѣ (проектъ росписи на 1911 годъ) таковы: суммы кредитовъ: а) вовсе изъятыхъ отъ обсужденія Думы (кредиты по Имп. Двору, канцеляріямъ Его Величества и 10 мил. фондъ на непредусмотрѣнные росписью расходы)—27,6 мил. руб.; б) изъятыхъ отъ сокращенія вообще (платежи по гос. долгамъ)—406,3 мил. руб.;

¹⁾ См. въ матеріалахъ Особого Совѣщанія (1905—1906 гг. подъ предсѣдательствомъ гр. Сольскаго) „Проектъ правилъ о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій и государственной росписи доходовъ и расходовъ“ (составленъ Членомъ Государственного Совѣта Дѣйствительн. Тайнымъ Совѣтникомъ В. П. Череванскимъ) ст. 21. „Отъ бюджетной коммисіи зависитъ войти въ обсужденіе кредитовъ, испрошеніе коихъ основано на штатахъ и разрѣшеніяхъ, послѣдовавшихъ до учрежденія Государственной Думы, но съ соблюденіемъ слѣдующаго порядка:

а) При согласіи министровъ и главноуправляющихъ съ предположеніями бюджетной коммисіи о сокращеніи или совершенномъ закрытіи кредитовъ, таковые сокращаются и вовсе закрываются въ мѣрѣ предположеній коммисіи.

б) При несогласіи министровъ и главноуправляющихъ на таковое сокращеніе или закрытіе кредитовъ, они оставляются въ росписи условно, но министры и главноуправляющіе обязаны представить вопросъ о сихъ кредитахъ на разрѣшеніе законодательнымъ порядкомъ. Если законодательнаго разрѣшенія не послѣдуетъ или оно не будетъ испрошено въ теченіе смѣтнаго года, то условно допущенные кредиты закрываются“.